

18+

СТРАСТЬ

Волка

МИРОСЛАВА АДЪЯР

Мирослава Адъяр
Страсть Волка

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мирослава Адьяр

Страсть Волка / Мирослава Адьяр — «ЛитРес: Самиздат», 2020

- Скажи мне "да", Нанна.Снова и снова незнакомец приходит в мои сны, похищает покой и умоляет ответить. Он требует моей покорности, нуждается во мне и кричит о своей жажде каждую ночь, и я бы рада уже сказать ему это проклятое "да", но... Я никогда не видела этого мужчину. И всего через два дня я стану женой другого.

© Мирослава Адьяр, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пролог

Нестерпимо горячо и влажно. Так приятно, что хочется тянуться следом за прикосновениями невидимой руки, отдаться им полностью, слиться с ними. Я закусываю губу и умоляю всех известных мне богов, чтобы ласка не прекращалась, чтобы тяжесть внизу живота скручивалась плотнее, сворачивалась раскаленными пружинами и выстреливала в кровь мелкими пузырьками невыразимой сладости.

И от этого становится стыдно.

А потом уже – когда влажный жар чужих губ берет в плен набухший сосок – становится все равно.

Кричу в небо, в пьяную безграничную синеву, и не могу сдержать дрожь, когда сильная рука проходится по спине, властно, будто давно знает каждый мой изгиб, оглаживает ягодицы и требовательно раздвигает мне ноги, подбираясь к влажной горячей сердцевине.

Касается уверенно, безжалостно, растирает по складкам пряный сок, а крепкие пальцы проникают внутрь. Совсем чуть-чуть. Скользят по чувствительной плоти, растягивают, наполняют собой, а я мечусь из стороны в сторону, бормочу какую-то чушь, умоляю о большем, но мой мучитель не отвечает.

Он вообще ничего не говорит, только смотрит. Прожигает душу кобальтовой синевой нечеловеческих глаз и усмехается, обнажая острые волчьи клыки.

Смотрю вниз, и сердце прошивает укол страха.

Мой волк – большой мальчик.

Его каменная эрекция прижимается к низу моего живота и чуть покачивается, а я чувствую его жар, желание и нетерпение. Дикую потребность ворваться в меня, покорить, сделать своей.

Заявить права всеми возможными способами.

Как замороженная слезу за прозрачной капелькой, скатывающейся вниз по массивной – идеальной – головке. Темные, наполненные раскаленной кровью вены оплетают тяжелую длину, и кажется, что волк замер в ожидании под моим пристальным, изучающим взглядом.

Чего он ждет? Разрешения?

Или униженной мольбы?

Облизываю пересохшие губы и тянусь к вызывающе твердому члену. Очерчиваю головку кончиками пальцев и слышу глухой рык, сорвавшийся с идеальных чувственных губ.

Длины моих пальцев не хватает, чтобы взять его в кольцо, и я скулю от разочарования, потому что не смогу дотянуться до волка второй рукой.

– Скажи мне “да”, Нанна, – рычит он и подается вперед, проехавшись всей своей длиной по припухшим складкам. – Скажи “да” – и я весь буду твоим.

Открываю рот, чтобы выкрикнуть это проклятое “да”, потому что нет больше сил терпеть муку: я не способна справиться с пустотой, которую он может заполнить так правильно, так плотно!

Но язык не слушается, а из горла рвется только задушенный хрип.

Лицо моего волка расплывается перед глазами, искажается, тонет в накатившей черноте; и последнее, что я вижу, – синеву его глаз, наполненных невыносимым страданием.

Глава 1

Подскакиваю на постели с немим криком и хватаюсь за стиснутое спазмом горло. Простыни мокрые насквозь, а тончайшая сорочка противно липнет к разгоряченному, влажному от пота телу.

Всего лишь сон?..

Щеки краснеют от стыда, а в голове проносятся обрывки горячего видения, и клянусь, я все еще чувствую прикосновение крепких пальцев к...

Медленно спускаю босые ступни на пол и невольно ежусь от холода. Гладкий деревянный паркет мягко поблескивает в свете потрескивающего очага, на стенах играют в салки глубокие тени, а за окном все еще танцует непроглядная зимняя тьма. Даже свет луны не может с ней справиться, отчего в груди колет от страха и волнения.

Сон не отступает, как я его не прогоняю. Льнет к рукам и спине, бежит мелкими мурашками по коже, прокручивается в мыслях снова и снова – и не остановить его, не стереть и не смыть холодной водой. Осторожно поднявшись, я цепляюсь пальцами за тяжелую ткань балдахина и делаю несколько судорожных вдохов.

“Скажи мне “да”, Нанна”.

Зажмуриваюсь до кровавых кругов, до болезненных искр под веками и на ощупь бреду к тяжелой фарфоровой чаше, наполненной ледяной водой. Запах лаванды бьет в нос, отрезвляя, но слова лихорадочным вихрем все вертятся и вертятся в голове.

Бросаю взгляд на вешалку у зеркала и целую минуту рассматриваю свой свадебный наряд: белоснежное кружево и затейливая вышивка.

Вот-вот я стану женой капитана-регента острова Таселау, но мой избранник не имеет ничего общего с мужчиной из ночного видения.

И это терзает меня с того самого дня, как волк начал топтаться в моих снах, будто у себя дома! Я чувствую вину, живу с ней, ношу с собой ежеминутно, скрываю за улыбками, когда беседую с отцом, прячу за смехом и шутками, когда гуляю с матерью. Не могу простить себе слабости, не могу смириться с терзающим меня голодом, потому что там, за размытой гранью сновидений, я мысленно давно сказала “да”.

И, наверное, никогда не скажу его вслух.

Кому? Незнакомец из сна в реальной жизни не спешил появляться, да и не бывает в реальной жизни таких людей...

Ведь не бывает же?

Тряхнув головой, я хватаю гребень и пытаюсь распутать светлые волосы, безжалостно свалявшиеся во время сна и похожие теперь на воронье гнездо. Прядка за прядкой, локон за локоном, медленно возвращаю себе душевное равновесие.

Все хорошо, все в порядке.

Все хорошо...

Отлично!

Сегодня я встречаюсь с Альгиром Верти. Матушка в восхищении: только и трещит о том, как мужчина хорош собой и как мне повезло с женихом.

Она – восторженная женщина, живущая историями о благородных правителях. Даже если бы Альгир въехал во двор замка с мечом наперевес и требовал бы отдать ему наш дом, матушка бы только в ладоши хлопала и умилялась тому, какой он порывистый и дерзкий.

Вернуть ее из мира сумасбродных фантазий уже невозможно. Только смириться.

Аккуратно уложив волосы, я снимаю с вешалки простое синее платье, которое почти теряется на фоне свадебного наряда. Это костюм для встречи, который должен убедить Аль-

гира, – перед ним трепетная, нежная натура, готовая на что угодно ради своего будущего господина.

Даже щеки щипать не пришлось, изображая здоровый румянец – меня и так порядочно лихорадит, будто всю ночь я бегала по зимнему лесу в одной сорочке.

Внутри скребется уверенность, что Альгир и так знает, что никакой симпатии я к нему не испытываю. Самое большее – уважение к силе и положению.

Это не редкость для договорных браков. Есть надежда, что мы хотя бы не будем швыряться друг в друга посудой и справимся с... близкими отношениями.

Тяжело сглатываю и напоминаю себе, что и этого тоже не избежать.

Мужчина не будет сыт уважением – ему нужен наследник, как и любому правителю.

– Что-нибудь придумаю, – шепчу тихо и подмигиваю своему отражению в зеркале – бледному и перепуганному. – Вот посмотришь, Нанна, все будет хорошо.

И то, что я делаю это ради матушки и ее спасения, капитану-регенту знать не обязательно.

Визит Альгира – всего лишь вежливость. Он спокойно может сейчас же посадить меня в карету и увезти в замок, без церемоний и рассуоливаний, но мужчина любит, когда все идет по плану и не отступает от замысла ни на шаг.

Меня забавляет эта его черта: тяга к правильности, к красивым жестам. Если ухаживания, то с размахом; если подарки, то самые лучшие; если слова, то предельно сладкие и именно те, что хочет услышать любая девушка. Он читает людей, как открытые книги, вертит их так и эдак, давит на нужные точки.

Не могу сказать, что это не пугает меня до дрожи.

Я боюсь капитана-регента где-то в глубине души. На самом ее доньшке плещется чувство неправильности, напускного благородства.

Он весь – фальшь, как она есть, но я не могу это доказать: мне не хватает слов и знаний, правильных определений, тонкого чутья, какое было у моего брата, пусть великая Галакто тепло встретит его душу в своих чертогах.

Отгоняю сомнения, натягиваю на лицо приветливую улыбку, которая ничего не значит и ни к чему не обязывает, и медленно вхожу в гостиную.

Не знаю, куда девать руки, потому стискиваю краешек ленты, перехватывающей пояс, и стараюсь смотреть перед собой, чтобы тут же не натолкнуться на Альгира.

Мне неловко вот так сразу встречаться с ним взглядами – хочется подготовиться, вдохнуть глубоко и вернуть себе привычное равновесие.

Скрип. Тихие, едва слышные шаги по ковру.

Альгир протягивает руку, а я невольно вздрагиваю – и от капитана это не спрятать и не укрыть взволнованный взгляд за веером ресниц.

Теплые губы касаются ладони, когда мужчина все-таки берет в плен мои дрожащие пальцы, а пристальный взгляд светло-серых глаз вызывает странное давление в груди. Это не любовный трепет, не пылкая страсть, какая может вспыхнуть с первого взгляда.

Это волнение и... страх.

Я – кролик, стоящий перед удавом, и он вот-вот бросится, чтобы скрутить мне голову.

Высокий и широкоплечий, Альгир возвышается надо мной на добрых две головы. Рядом с таким мужчиной можно почувствовать себя слабой и беззащитной – что явно нравится матушке, но немного пугает меня.

Затянутый в форменную черную куртку, расшитую серебряной нитью, мужчина движется плавно, будто в танце, и походит на довольного кота – гибкого, уверенного и расслабленного, но это впечатление обманчиво. Альгир всегда готов к неприятностям – положение обязывает.

Густые каштановые волосы аккуратно зачесаны назад, широкие брови вразлет немного хмурятся, и хочется провести пальцами по упрямой складке, стереть ее, чтобы не портила идеальный облик капитана.

Серые глаза полны затаенных гроз. Кажется, что вот-вот в темной глубине вспыхнут золотом самые настоящие молнии. Взгляд скользит по моей шее, задерживается на бьющейся жилке, и я могу поклясться, что чувствую это.

Словно по коже скользят затянутые в перчатку пальцы.

Воздух вокруг нас густеет, нагревается, и я с трудом вдыхаю и продираюсь сквозь раскаленный кисель. Колени дрожат сильнее, и если бы не крепкая рука, держащая меня под локоть, я бы наверняка упала прямо здесь.

– Вы очаровательны, Нанна, – тихо рокошет мужчина. Его голос напоминает морскую волну, накатывающую на песчаный берег. Он вызывает дрожь и странно успокаивает, гипнотизирует и убаюкивает.

Страх и волнение отступают под натиском уверенной силы Альгира.

Он не предлагает мне сесть, нет.

Тянет за собой к высокой двери, ведущей в сад.

Толчок! Створки распахиваются настежь, впуская внутрь запахи вечной весны.

Под магическим куполом, установленным отцом несколько лет назад, тут всегда цветут цветы и щебечут живые птицы.

Баснословно дорого и непозволительно роскошно для обедневшего рода, но когда лекарь говорит, что это поможет обреченной матушке, отец готов пойти на что угодно.

И вот теперь этим “что угодно” станет мой брак с Альгиром.

– Признайтесь честно, – капитан улыбается и смотрит на меня из-под темных ресниц. – Я вам не нравлюсь, Нанна?

Что это? Вопрос с подвохом? Насмешка? Или какая-то проверка?

Нервничаю, как какая-нибудь девчонка, и с ужасом обдумываю все возможные варианты, а капитан начинает смеяться, чем совершенно ставит меня в тупик.

– Никаких проверок, обещаю.

Я невольно ахаю и прикрываю рот рукой.

– Вы читаете мысли, капитан?

– Зачем? У вас на лице все написано.

С трудом сглатываю горьковатую слюну и стараюсь говорить беззаботно, будто меня совсем-совсем ничего не тревожит:

– Вы меня немного пугаете. Но что в этом удивительного – мы почти не знакомы.

– “Пугаю”? – капитан удивленно изгибает бровь и склоняется над ближайшей пестрой клумбой. – Но я совершенно безобиден, дорогая! Как и этот цветок.

Он вкладывает в мою ладонь белоснежную гроздь ландышей, а я невольно вздрагиваю от приторного до головокружения аромата и потихоньку теряю нить беседы. Невежливо просто стоять и молчать, правда? Альгир же не просто так сюда приехал?

– Я приехал к вам с просьбой, Нанна.

Опять он все угадывает так, будто владеет чарами!

– Я хотел бы просить ваших родителей перенести церемонию в мой замок.

Не сразу осознаю, о какой церемонии речь.

О брачной? Но почему? Матушка так хотела, чтобы праздник прошел здесь, где все было мне родным...

– Я понимаю ваши сомнения, дорогая, – Альгир сжимает мою руку в теплой ладони и мягко поглаживает кожу большим пальцем. – Но, к сожалению, мне придется предстать перед правителем по срочному делу, сразу же после церемонии. И добраться в срок отсюда будет проблематично.

– Капитан Альгир!

Я не успеваю ничего ответить, как к нам подлетает матушка – белоснежное облако оборок и кружев – она сверкает ослепительной улыбкой и распространяет вокруг цветочное благоухание, в котором угадывается тонкий дух старой болезни. Белоснежная кожа лица сильно напудрена, чтобы скрыть россыпь темных пятен, покрывающих ее щеки и шею.

Лихорадочный блеск листовенно-зеленых глаз одновременно и пугает, и вызывает жалость, но я не смею ни жестом, ни словом показать, как мне страшно и тошно видеть ее такой... угасающей.

Все будет хорошо.

Все обязательно будет хорошо!

Альгир – человек слова. Он обещал помочь.

Матушка подхватывает капитана под локоть и тянет его в дом, а я так и стою в центре дорожки и смотрю на цветок, зажатый в дрожащей ладони.

“...я совершенно безобиден”.

Губы кривятся в кислой улыбке, а в груди стягивается холодный тошнотворный комочек неопределенности, который я никак не могу распутать.

Разве вы не знаете, капитан, что ландыш – смертельно ядовит?

Разумеется, матушка не отказывает. Лепечет что-то тихонько, кокетливо поправляет выбившуюся из прически прядь волос и то и дело касается кончиками пальцев руки Альгира. Воздушная, невесомая и нереальная, она, как никогда, далека от меня в этот момент. Я чувствую себя камнем, на котором весело щебечет беззаботная птица.

Даже если с небес свалятся обе луны, то ее решительное: “Конечно-конечно, капитан, все, что захотите” – не изменится ни на одно слово. Я пытаюсь возражать – очень деликатно, конечно, но настойчиво, ведь это поместье – мой дом.

Моя единственная крепость, где все знакомо и привычно.

Необходимость проводить церемонию в чужом замке пугает, но разве я могу что-то изменить?

Матушка только раздраженно цыкает, взмахивает рукой, как крылом, и лучезарно улыбается капитану, будто мои слова – досадный шум.

– Нам придется уехать раньше, чтобы подготовить все к вашему приезду, – Альгир говорит мягко, как с ребенком, его взгляд искрится лукавством.

– Не переживайте, капитан! – чирикает матушка, а я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. – Нанна! Надеюсь, у тебя все готово?

Можно подумать, у меня столько вещей, что на их сбор придется потратить несколько дней.

– Да, мама, – тихо отвечаю я и стараюсь смотреть перед собой и не сталкиваться взглядом с женихом. Кто знает, как он воспримет мое недовольство, что скажет и не сочтет ли это капризом избалованного ребенка.

Смотрю в сторону, туда где пышно цветут темно-синие бархатные гортензии – гордость и радость матушки – и в голову приходит мысль, что у незнакомца из сна глаза были такого же оттенка.

Воспоминание бьет по щекам раскаленным стыдом и скручивает живот, выворачивает меня наизнанку и заставляет сбиться с шага. Всего на мгновение, но мне кажется, что все обязательно это заметят, однако никто не обращает внимания. Альгир все еще прислушивается к матушке, а она рассказывает ему какую-то нелепую чушь.

По большей части слухи и сплетни, в которых ни капли правды.

С трудом отрываюсь от цветов и бреду вперед, как в тумане, не в силах глубоко вдохнуть или отбросить непрошенные воспоминания. На языке перекачивается вкус чужих поцелуев,

кончики пальцев покалывает от одного невыносимого желания – коснуться раскаленной, как песок пустыни, кожи незнакомца.

Наваждение какое-то!

“Скажи мне “да”, Нанна”.

Я не могу!

До меня, как сквозь вату, долетает восторженный голос матушки и тихий рокочущий ответ Альгира.

О чем они говорят?

Приди в себя, Нанна! Соберись!

– Прекрасно! – матушка хлопает в ладоши и вспархивает вверх по лестнице к двери, ведущей в гостиную. Я уже слышу перезвон тарелок и крохотных чайных чашек из тончайшего фарфора, приготовленных и оттертых от пыли специально к визиту капитана.

Прикрыв глаза, я глубоко вздыхаю и молюсь о терпении, чтобы выдержать сладкое до приторности щебетание и невозможный, полный гроз взгляд жениха.

Остаток дня быстро превращается в какой-то кошмар наяву, и на закате я уже готова вскочить на коня и нестись навстречу солнцу, подальше от пристального, невыносимого внимания матушки, которая беспокоится совершенно по любому поводу и проверят все по тысяче раз. Она перекладывает мои вещи так и эдак, неодобрительно рассматривает белье, цыкает, причмокивает и переступает с пятки на носок, доводя меня до состояния близкого к слепой ярости.

“Она просто нервничает, – успокаиваю себя я. – Я же знаю, как болезнь сказывается на ее эмоциональном самочувствии. Перетерпи, сцеди зубы, дождись отъезда – и вздохни спокойно”.

Спокойно, как же! Почему мне все время кажется, что я иду прямо в пасть к голодному льву?

Все смешивается в кашу, проносится перед глазами размытыми картинками, обрывками фраз, всхлипами матушки, которая в последний момент поддается тревоге и будто впервые понимает – дочь вот-вот уедет и после церемонии мы будем видеться разве что по большим праздникам, если вообще будем. Слишком беспокойно стало вокруг: Кидонию раздражают конфликты. Двенадцать великих островов готовы вцепиться друг другу в глотки при любой удобной возможности.

Я едва ли слышу прерывистый шепот матушки, когда она порывисто обнимает меня и чмокает в щеку. Закат окрасил ее лицо красным, как и хрустящий снег под нашими сапогами, и я тяжело сглатываю, чувствуя – вот он, дурной знак. Безмолвный запрет на это путешествие.

Но что я могу сделать? Ничего.

Устроившись в седле, я бросаю на поместье прощальный взгляд, и мне кажется, что в окне моей комнате кто-то стоит.

Зыбкая, размытая тень, которая рассматривает меня и держится тонкой рукой за горло, будто зажимает рану.

– Мы будем у Врат через два часа, – шепчет мне Альгир, подъехав вплотную. – Как вы себя чувствуете, Нанна? Вы за целый день не проронили ни слова.

– Я не имела права возражать, – я позволяю себе слабую улыбку, на которую Альгир охотно отвечает, будто мы сто лет знакомы. – Хотя и не хотела покидать дом так поспешно. Это место дорого мне, вы понимаете?

– Разумеется, – капитан серьезно кивает. – Мне очень жаль расстраивать вас, но приказы правителя – прежде всего. Мне не хотелось откладывать церемонию на неопределенный срок.

Попробовали бы вы отложить, Альгир.

Матушка бы от вас не отстала.

Воображение тут же вырисовывает картины того, как она пишет капитану длинные письма с жалобными вопросами, и я невольно смеюсь, прикрывая рот рукой.

– Надеюсь, вы хорошо держитесь в седле, – Альгир хитро улыбается.

Гордо вскинув подбородок, я прищипываю коня и рвусь вперед, взметая за собой снежную крупу и мысленно представляя, что вот сейчас смогу оттолкнуться от земли и взмыть в бесконечное небо.

“Вратами” Альгир называет ничем не примечательную арку, стоящую чуть в стороне от основного пути.

Слуги, сопровождающие нас от поместья, быстро расчищают узкую тропку для лошадей и держатся чуть в стороне, недобро поглядывая на зеленовато-черный камень, светящийся изнутри.

Суеверный страх в людях силен, тут ничего не сделаешь.

На первый взгляд место кажется заброшенным, но я точно знаю – никто без магического дара не может пройти по этой тропе. Ничего удивительного, ведь когда-то, столетия назад, эти “короткие дороги” создали правители Эронгары, чьи имена запрещено произносить вслух. Великие чародеи прошлого оставили после себя много неизведанного, и Двери-в-Тень – лишь одно из таких чудес.

Альгир выглядит расслабленным, даже слишком, учитывая рядом с чем мы стоим. Что-то есть в его лице от беззаботного мальчишки, который только удивляется чудесам, но не боится их – и готов протянуть руку навстречу настоящей магии, стоит ей лишь позвать его.

Я знаю, что капитан наделен силой. Не огнекровной, конечно, ведь такие люди – большая редкость, но талант у Альдегира есть. И именно он позволит нам сократить путешествие в замок на несколько дней.

Капитан спешивается и идет к каменной арке. Прямой и уверенный в себе, негибачый, как скала, он стягивает перчатки и касается шероховатой поверхности, что-то шепчет тихо. Не разобрать на таком расстоянии, да и не нужно это мне. Силой меня богиня Галакто обделила, решив, что в нашей семье магам не место.

В центре Врат загорается крохотный красно-синий огонек. Он мечется от края до края арки, бьется об камень и тихо попискивает, как живой. Медленно разрастаясь во все стороны, шарик занимает все свободное пространство внутри и превращается в массивный полупрозрачный пузырь, в котором едва угадываются очертания высоченных деревьев и снежных шапок, лежащих на мохнатых лапах елей.

В душе ворочается тугая, колющая клубок беспокойства. Все сжимается и кричит о том, что мне стоит остановиться и подумать, все взвесить и, возможно, бежать, куда глаза глядят.

Немедленно.

Альгир поворачивается, награждает меня слабой улыбкой, и я не могу не улыбнуться в ответ, хотя выходит скорее кислая усмешка.

– Я пройду первым, Нанна, – тихо говорит он и доверительно склоняется ко мне, будто рассказывает какой-то невероятный секрет, – и встречу вас на другой стороне. Ничего не бойтесь, Врата совершенно безопасны.

– Правда? – я не могу удержаться от колкости. – А как же все эти истории о несчастных путниках, располовиненных схлопнувшимися Вратами? Одна нога здесь, а другая – там...

Альгир морщится, и становится заметно, что такие вопросы только раздражают капитана. Возможно, раздражают именно потому, что озвученные случаи бывали и он не может ничего гарантировать на самом деле.

– Вам не о чем беспокоиться, дорогая. Все зависит от открывающего, а у меня никогда не было проблем.

Все, что мне остается, – довериться, да?

Альгир отворачивается и взлетает в седло одним рывком. Пришпоривает коня, который ведет себя совершенно спокойно, будто всю жизнь только тем и занимался, что проходил через Врата.

Когда фигуру капитана смазывает магический пузырь, я невольно вздрагиваю, сжимаю руки в кулаки, цепляясь за поводья с такой силой, что ногти больно впиваются в ладони.

От другого мира, чужого и непонятного, меня отделяют всего несколько шагов, и еще никогда я не чувствовала себя такой... разделенной.

Я стою на распутье, не в силах определить собственные чувства.

И вот-вот я переступлю черту и не смогу вернуться назад.

Пузырь смыкается за капитаном, проглатывая его, и на мгновение я ощущаю вырвавшийся из Врат поток холодного, обжигающе ледяного воздуха.

Зимы у нас суровые, порой даже слишком, но то, что ударило в лицо, кажется мне самым настоящим воплощением смертоносной стужи. Во имя всего святого, что вообще на острове Таселау творится?!

Слуги, сопровождающие нас, несмело топчутся у самых Врат и посматривают в мою сторону.

Что же, не стану разочаровывать их.

Вдыхаю глубоко, до боли, до хруста в ребрах и пришпориваю лошадь. Она дергается и не сразу подходит к магической арке – ведет ушами и встревоженно фыркает.

Бойтся, и я это понимаю.

Тоже боюсь.

Дрожу и едва держусь в седле, но не смею выдать ни грамма чувств. Я не трусиха какая-нибудь и не поддамся, не отступлю перед первой же опасностью.

Стенки сферы расступаются в стороны, как кисель. Обволакивают нас, сдавливают плотно, из-за чего я невольно задерживаю дыхание, – а через секунду давлу невольный вскрик, когда резкий порыв ветра бросает в лицо снежную крупу и хлещет по щекам с такой силой, что мне приходится зажмуриться, сдерживая слезы.

Что-то заслоняет меня, укрывает от нестерпимого холода, и я решаюсь открыть глаза и осмотреться по сторонам.

Прямо впереди, среди острых пик и изломов серых скал, расположился замок: белоснежный, будто выточенный из одной колоссальной глыбы снега и льда. Острые шпили царапают хмурое, тяжелое небо, налитое синевой и закатным багрянцем, а где-то за ним, вдалеке, я отчетливо слышу шум воды.

На новый дом одновременно страшно и неловко смотреть.

Замок напоминает мне дракона, что затаился среди камней в ожидании добычи, и вокруг, насколько хватает глаз, расстилаются заснеженные земли. Только справа, вдалеке, курится тонкий дымок.

– Добро пожаловать в Волчий Клык, дорогая, – Альгир прикрывает меня от порывов ветра и даже не морщится от холода. Рядом с ним я кажусь себе изнеженной и неприспособленной к подобной жизни, как хрупкий цветок выброшенный на мороз из сада матушки. – Все это теперь и твое тоже.

Капитан улыбается, а я не могу оторвать взгляд от замка.

Волчий Клык, значит.

Очень уж подходящее название.

Глава 2

Мчусь через заснеженный лес, взметаю вокруг себя белоснежные жгуче-холодные хлопья и пытаюсь закрыться рукавом рубашки от летящей в лицо крупы. Давно уже не чувствую ступней, проваливающихся в кипящую белизну, израненных острыми ледышками и промерзшей черной землей. Сердце колотится в груди, бьется о ребра, пытаюсь выломать их, раздробить, вырваться на волю и броситься прочь от проклятого места, оставшегося за спиной. Над головой разносится пронзительное “кар” и свист морозного ветра, а впереди – густые тени, от которых нет спасения.

Ветки деревьев, как живые, хватаются за одежду, рвут в клочья тончайший шелк и дергают из стороны в сторону, нарочно пытаюсь свалить меня в снег.

Рвусь вперед, до хруста костей, до треска, до растянутых жил, и отбрасываю прочь цепкие черные ветки-пальцы, чтобы уже через секунду вывалиться на гладкий камень моста.

“Мы сегодня его уже проезжали, – громыхнуло в голове. – Это дорога к Волчьему Клыку”.

И правда, противоположная сторона была чуть выше леса, из-за чего в первый раз мне показалось, что замок окружен только белизной снегов и скалами, но стоило подъехать к краю колоссальной расщелины, где на дне плясали темные волны, как взору открылось невероятное зрелище.

Бесконечность мохнатых елей, тянущихся от самого края до замка, растекающихся полотном серебристо-зеленого моря.

Сейчас же белокаменный мост кажется мне непреодолимой, покрытой льдом преградой. Опора уходит из-под ног – и я падаю навзничь, крепко приложившись головой о холодные плиты. Мир рвется, как прогнившая ткань, разлетается обугленными клочками в стороны и искажается, когда я приподнимаюсь на локте и смотрю в направлении леса.

Среди массивных стволов воздух гораздо темнее и ходит ходуном, закручивается тугими спиралями.

Темнота корежит деревья, сдирает кору, оставляя на белой мякоти густые маслянистые потеки, скользит по оставшимся в снегу следам черными влажными языками. Что-то там движется, в этой непроглядной мгле.

Сверкает алыми глазами, усмехается криво, демонстрирует острые зубы-иглы.

Враг приближается медленно, облизывается, скалит жуткую пасть, а я не могу даже закричать, потому что не хватает воздуха и в горле сухо – не слотнуть.

Шаг назад – робкий и неуверенный. Камни скользят под израненными ступнями, жадно впитывают кровь, сочащуюся из порезов и царапин. Мрак неумолимо надвигается, но не нападает – он играет с загнанной в угол жертвой и оттягивает последний удар, который, я не сомневаюсь, разорвет меня на части.

– Куда же ты бежишь, маленький жаворонок? – рокошет темнота, а вокруг медленно открываются сотни глаз, и мгла живет, тянется ко мне, пытается ухватить за подол рубашки и заставляет вскрикнуть и отступить еще на шаг.

“Я смогу перебраться на другую сторону!” – колотится в голове горячая мысль.

Резко развернувшись, я бросаюсь вверх по мосту, отчаянно цепляясь за оледеневшие перила.

– Ты что, не видишь? Дальше бежать некуда, – смеется тьма, а я застываю прямо посреди пустоты, и под ногами клубится бесконечное ничто. Даже воды не видно и не слышен тихий шелест волн.

Мрак повсюду: сдавливает раскаленными тисками, рвет рубашку, наматывает волосы на блестящую плетель и поворачивает так, что я смотрю прямо в алые глаза чудовища, пришедшего сожрать меня. Длинный раздвоенный язык проходит по шее, вызывая внутри волну холод-

ного, колкого отвращения. Тварь принохивается, глаза полыхают удивлением и обжигающей ненавистью.

Ворот рубашки трещит и рвется в клочья, обнажая плечи и грудь. Острый черный коготь скользит по коже, очерчивая узор под ключицей, которого там никогда не было! Опустив голову, я вижу тонкий круг с зажатым в нем изображением волка: простеньким, но узнаваемым.

Тварь с ревом бьет меня по лицу, сбивает с ног и обматывает черные щупальца вокруг горла. Я дергаюсь в сторону, захлебываюсь криком и впиваюсь пальцами в темноту: мечу в алые глаза, но не причиняю странному существу никакого вреда. Оно будто лишено тела, но может спокойно ломать кости и сдирать кожу.

Мимо проносится зыбкая, размытая тень – и темнота ревет от боли, отшвыривает меня прочь, к перилам. Затылок врезается в лед – и мир растекается перед глазами тусклой тошнотворной зеленью. Из последних сил я цепляюсь за ускользящие обрывки сознания, дрожу от ужаса и плачу навзрыд, наблюдая, как огромный черный волк кружится вокруг неизвестного врага.

Зверь рычит и клацает внушительными клыками, но мрак только хохочет и с легкостью уворачивается от любого, даже самого изошренного, удара.

Мост трясется, подо мной в стороны расходится сетка тонких трещин.

– Встань, – шиплю я самой себе и медленно поднимаюсь на ноги, едва удерживая равновесие и борясь с накатывающей тошнотой. – Беги!

Прочь! Прочь отсюда...

Не успеваю сделать и десяти шагов, как мост издает протяжное “врум” и камень уходит из-под стоп, позволяя мне рухнуть в пустоту.

Горло сдавливают удушающий спазм, запечатывая рвущийся наружу вскрик; несусь вниз с такой скоростью, что нет сомнений – расшибусь о воду и костей не соберут потом.

– Нанна! – врывается в уши протяжный, полный боли крик.

– Не найти тебе ее, проклятый принц, – шипит тьма в ответ. – Никогда!

Никогда...

Вода встречает меня холодом и болью, агонией и сломанными костями.

Я еще слышу, как над головой кто-то кричит мое имя, но разве это имеет значение?

Все, что остается, – отдалиться стуже и позволить ей ворваться в легкие, поселиться в груди и утащить на самое дно, где нет ничего, кроме застывшей тишины.

Резко открываю глаза и бессмысленно таращусь в изрисованный тенями потолок. Пальцы стискивают краешек покрывала с такой силой, что дрожат руки, и стоит опустить тяжелые веки, как под ними вспыхивают самые настоящие радуги и мечутся красные мошки. Где-то под горлом глухо и болезненно колотится сердце, а волоски на руках стоят дыбом от пронзительного чувства падения, пришедшего из кошмарного сна.

Рядом, у кровати, подрагивает огонек свечи, а в комнате стоит такая густая тишина, что хоть ножом ее режь. Незнакомый запах щекочет ноздри, но я не могу повернуть голову, чтобы найти его источник. Все тело онемело, превратившись в неподвижное каменное изваяние.

Несколько раз глубоко вздохнув и прикрыв глаза, я напрягаюсь и приподнимаюсь на постели, упираясь локтями в белоснежные простыни.

Что это было? Сон казался таким реальным, таким осязаемым, что я все еще чувствую жжение на коже там, где видела странный рисунок.

Я даже оттягиваю горловину рубашки вниз, чтобы убедиться.

Ничего! Чисто.

Но во сне там точно был рисунок!

Запустив пальцы в растрепанные волосы, я с удивлением ойкаю, когда что-то острое впи-
вается в ладонь. Выпутываю из густых прядей длинную черную щепку, которая никак не могла
оказаться в комнате, потому что окна наглухо закрыты и я совершенно определенно не хожу
во сне.

Вздрыгнув всем телом, я вскакиваю с кровати и в два шага преодолеваю расстояние до
камина, где мне слабо подмигивает охряное пламя.

Швыряю щепку в огонь и пристально наблюдаю, как она медленно обугливается.

Чего-то жду.

Возможно, что она начнет извиваться, словно уж на раскаленной сковородке, и верещать,
совсем как тьма в моем сне.

Что это было? Реальность? Видение?

Предзнаменование?

Тряхнув головой, я возвращаюсь к постели и, опустившись на самый край, осознаю, что
точно не смогу уснуть. Все во мне восстает против этого, кричит не закрывать глаза, не отда-
ваться обманчивому чувству безопасности, исходящему от этого места.

Скорее бы мама приехала.

Альгир должен все подготовить к церемонии, это займет всего пару дней, а потом прове-
сти через Врата моих родителей. И если быть совершенно честной, то я впервые за всю жизнь
чувствую себя по-настоящему одинокой, даже брошенной.

Все здесь – чужое и непонятное. Слишком большое, слишком просторное, холодное.

Комната для меня чрезмерно велика, отчего дальние уголки прячутся в кромешной тем-
ноте. Тяжелые портьеры из темно-синего бархата закрывают окна, но я знаю, что все они раз-
рисованы морозными узорами.

Бросаю взгляд на массивную дверь, украшенную искусной резьбой, и в голову приходит
абсолютно невозможная мысль: почему бы не прогуляться по замку?

Чего мне бояться?

Мы с Альгиром спим в разных комнатах, потому что этого требуют традиции, так что
потревожить сон капитана я не могу. А сидеть и бессмысленно пялиться в стену – еще хуже,
чем попробовать уснуть.

Ничего страшного ведь не произойдет, если я осматрю свои... будущие владения?

Капитан все равно оставит замок на мне после отъезда. Так почему бы не начать иссле-
довать собственное жильё прямо сейчас?

Нервно хихикаю, представив, как это все выглядит.

Я, с колотящимся от страха и волнения сердцем, брожу по незнакомым коридорам и
как закономерный итог – теряюсь в каменном нутре огромного Волчьего Клыка, который не
осмотреть, думается мне, и за несколько лет.

Все лучше, чем оставаться в спальне и вздрагивать, поглядывая на темные углы.

– Что плохого может случиться, в самом деле? Позову на помощь, если потребуется.

Цепляюсь за эту мысль, как за спасительную соломинку, встаю и шарю взглядом по ком-
нате, чтобы найти одежду попривлекательнее. Не разгуливать же по замку в короткой сорочке.

Простое домашнее платье, взятое из поместья, сиротливо висит на широкой спинке тяже-
лого стула, и я не задумываясь натягиваю его и завязываю за спиной широкий пояс. Впрыгиваю
в мягкие кожаные туфли и хватаюсь за дверную ручку, тяну на себя с таким остервенением,
будто от этого зависит моя жизнь и судьба.

Хочу выйти!

Эта комната будто душит меня.

Дверь поддается на удивление легко, и меня встречает тускло освещенный коридор, про-
пахший лавандой, холодом и засахарившимся медом. Ноги тотчас утонули в мягком густом
ворсе темно-бордового ковра, тянущегося из конца в конец прохода.

Итак? Куда же пойти?

Я поворачиваю налево и медленно бреду вперед, касаясь кончиками пальцев стены. Мне нравится ощущение камня и дерева под рукой. От замка веет какой-то мрачной надежностью. Он пока еще мне не друг, но может поддержать, если потребуется.

В неровном свете свечей я могу рассмотреть висящие тут и там картины. Иногда обычные, какими украшала поместье и моя матушка, но изредка попадаются портреты, и я вчитываюсь в полустертые надписи на рамах, чтобы понять, кто передо мной.

Мужчины и женщины, иногда дети. Кое-где картины кажутся такими старыми, что дотронься рукой – и все полотно осядет пылью тебе под ноги.

На одной из них вижу Альгира и невольно замираю, чтобы рассмотреть капитана получше. Эта картина из старых, что вызывает внутри странную тревогу.

Мужчина выглядит совершенно умиротворенным. Впрочем, как и всегда. Темные волосы аккуратно зачесаны назад, серые глаза будто светятся изнутри и смотрят внимательно: в них застыла глубокая тоска, чувство безысходности – что никак не вяжется с внешним спокойствием. Будто что-то разъедает мысли капитана, тревожит до такой степени, что весь его облик отозвался на эту тревогу.

Чуть подаюсь вперед, чтобы рассмотреть мелкие детали, и не сразу слышу шорох за спиной и тихое покашливание.

Вскрикиваю и оборачиваюсь, только когда чья-то рука осторожно касается моего плеча. От неожиданности чуть не падаю на пол, но на удивление сильная хватка на локте не позволяет мне позорно растянуться посреди коридора.

– Простите, госпожа, я не хотел вас пугать! – гремит надо мной низкий незнакомый голос, а я вскидываю голову, чтобы посмотреть, кто это стал свидетелем моей ночной вылазки.

Напротив, вытянувшись в струнку, замирает высокий мужчина. На его лице выражения удивления и беспокойства сменяют друг друга, как в калейдоскопе, а в светло-зеленых глазах мелькают блики дрожащих свечей.

Незнакомец заметно старше Альгира: от уголков глаз расходятся острые лучики морщин, некогда темные волосы основательно разукрашены сединой, но фигура крепкая, руки явно привычны к тяжелому труду и, судя по всему, могли бы с легкостью орудовать мечом.

Мужчина широко улыбается, и мне кажется, что эта улыбка разгоняет тени по углам и освещает коридор не хуже свечей.

– Госпожа, почему вы не в комнате?

– Не спалось, – отвечаю я и смущенно отвожу взгляд. – Простите, я не должна была...

– Нет-нет, не стоит! – поспешно обрывает меня незнакомец. – Это теперь и ваш дом тоже. Но прошу вас: если захотите ночью прогуляться, то берите с собой хотя бы свечу. Мое старое сердце может и не выдержать еще одного столкновения с тенью в коридоре.

Я с удивлением понимаю, что мужчина шутит, и не могу удержаться от ответной улыбки.

– Раз вам не спится, то, возможно, хотите чаю? Я подберу такой, что способствует спокойному отдыху до самого рассвета.

Хочется крикнуть, что никакой отдых мне не нужен – слишком сильны еще воспоминания о кошмаре, – но почему-то внутри растет чувство, что если этот незнакомец обещает мне спокойный сон, то так и будет.

– С одним условием, – я киваю в сторону коридора. Ведь я так и не дошла до конца. – Вы мне все здесь покажете. И назовете свое имя.

Мужчина тихо хмыкает и, шагнув вперед, устраивает мою руку себе на сгиб локтя.

– Имран, госпожа. Я управляю делами в Волчьем Клыкe. Продовольствие, прислуга, кухня и все, что требует моего вмешательства.

– У вас суровые зимы.

– Таселау славится своими лютыми морозами, но здесь вам не о чем волноваться. Замок был создан, чтобы выдержать не только нападение людей, но и ярость непогоды.

– Вы давно служите капитану Альгиру?

Имран с легкостью подстраивается под мой шаг, и кажется, что я вообще иду по коридору одна – настолько ненавязчивым ощущается присутствие мужчины.

– Я служил еще его родителям, да примет Галакто их души в своих чертогах. Можно сказать, что перешел капитану по наследству. – Мне не нужно смотреть на мужчину, чтобы понять: он усмехается. И это кажется мне странным и непривычным, даже дерзким. Альгир – жесткий человек, но Имран будто все еще видит в нем мальчишку, а не повзрослевшего хозяина Клыка.

Стоит только раскрыть рот, как мы выходим из коридора и замираем перед крутой лестницей, ведущей вниз. Справа есть еще один точно такой же коридор, но мужчина тянет меня к ступенькам и пристально следит за тем, чтобы я не споткнулась и не поскользнулась.

Сон почти выветривается из головы к тому моменту, как мы добираемся до просторной кухни, где совершенно тихо. Все веселье начнется утром, когда слуги займутся завтраком, а сейчас это идеальное место для мирной беседы.

Темными провалами зияют печи, где-то что-то потрескивает, а точно в центре стоит массивный деревянный стол, окруженный высокими табуретами. Воздух пропитан корицей, острым перцем и запахом жареного мяса и свежего хлеба.

Здесь... уютно, и я окончательно расслабляюсь и позволяю Имрану творить свою кухонную магию.

Он бросает в наполненный водой котел несколько ярко-красных камешков. Их свечение видно даже с того места, где я стою.

– Это зашарские светляки, – говорит мужчина, будто спиной чувствует мой интерес. – Люди пустыни используют их, чтобы греться и готовить пищу, когда пламя костра может выдать их присутствие.

Устроившись на табурете, я провожу ладонями по столешнице – гладкой, как шелк, отполированной, натертой до зеркального блеска сотнями прикосновений.

Передо мной выстраиваются всевозможные пузатые склянки из синего стекла, и Имран открывает их по очереди, позволяя понюхать содержимое. Названия сливаются в голове в один сплошной гул, от которого ломит виски, а через мгновение мужчина останавливается и смотрит на одну из дальних банок.

– Вот этот подойдет, – говорит он тихо и, подхватив мерную ложку, отправляет в котел выбранный чай.

Повернувшись, он бросает на меня какой-то странный, тоскливый взгляд. Вся веселость испаряется в один момент, тонет в горькой зелени сверкающих глаз, и мне кажется, что они светятся изнутри так же, как горячие пустынные камни.

– По правде говоря, – начинает мужчина медленно, – у меня к вам есть серьезный разговор, Нанна.

Он ждет какой-то реакции, вопросов, возможно, возмущения. Все-таки называть будущую хозяйку по имени – дерзость для слуги; но, не получив в ответ ничего, кроме искреннего удивления, Имран неумолимо меняется, в его глазах будто угли разгораются и вспыхивают падающие звезды.

Я невольно ерзаю на табуретке и охаю от резкой боли в груди, что прошивает меня до самых лопаток и рассыпается ворохом раскаленных иголок.

Кожей ощущаю пристальный взгляд мужчины, но смотрит он не в глаза, а скользит ниже, там, где я видела во сне странный рисунок.

– На вас метка, Нанна, – тихо говорит Имран и складывает руки на широкой груди. Вся его фигура как-то странно искажается, спина уже не такая прямая, как всего секунду назад, – будто мужчина согнулся под непосильной ношей и никак не может разогнуться, чтобы сбросить груз с плеч.

Я застываю, склонившись над отполированным столом. Не ослышалась ли я? Не показалась ли мне эта странная фраза? Словно громом пораженная, невольно сжимаю платье на груди и чувствую, как в ладонь толкается что-то теплое, будто под кожей перекачивается плотный, нагретый солнцем клубочек шерсти.

Имран медленно достает из ближайшего шкафа две чашки и наливает в них чай массивным половником. Мужчина двигается уверенно и плавно, а меня колотит, как в лихорадке, и из горла вырываются рваные вздохи и хрипы.

Я задыхаюсь. Не могу протолкнуть в легкие загустевший воздух.

– Хранительница магов и магических сил. Знаете, как ее зовут?

Что?..

О чем он говорит?..

– Королевство Эронгары, объединявшее семь из двенадцати великих островов и бесславно павшее два столетия назад, почитало ее как великую богиню, ведь чародейство в нашем мире – главенствует над всем.

– Инлада, – прохрипела я, не понимая к чему ведут эти вопросы. – Мать всех магов.

– Правильно, – Инмар широко улыбается, будто я отвечаю на экзамене и от этих ответов зависит моя жизнь. – И самым редким даром были "глаза Инлады", позволявшие видеть суть вещей.

– Зачем вы все это рассказываете? – я нервно отхлебываю из протянутой чашки, обхватываю ее дрожащими ладонями и никак не могу справиться с накачивающей паникой. – Вы собирались прочитать мне серьезную лекцию по истории?

– Нет, я лишь готовлю вас к тому, что "вижу". Я был награжден "глазами Инлады". Или проклят ими – тут смотря с какой стороны посмотреть, – Инмар невесело усмехнулся. – Я увидел метку, как только вы переступили порог Волчьего Клыка. Вам нельзя оставаться здесь, Нанна. Альгир давно вас искал и не пощадит ни вас, ни вашу семью.

Это все дурной сон. Еще один!

– Это какая-то шутка?! Мы с капитаном Альгиром помолвлены!

– Вы – далеко не первая невеста.

Я так и замираю с разинутым ртом, силясь выдавить хоть слово. Имран смотрит с жалостью, отчего становится только хуже.

– Я не понимаю...

– Что вы знаете о капитане, Нанна? Помимо того, что он может помочь вашей матери.

– Вы и об этом в курсе?

Мужчина не отрицает – просто едва заметно пожимает плечами, будто говорит, что здесь нет таких секретов, о которых он бы не знал. И, возможно, у самого Альгира нет тайн от своего преданного слуги.

Что, если это какая-нибудь проверка? Могу ли я этому мужчине доверять? Одно неверное суждение или вывод – и у добросовестного Имрана есть повод донести до хозяина, что невеста у него ненадежная.

– Альгира назначил капитаном-регентом Таселау правитель Кидонии. Бывшего королевства Эронгары, – добавляю шепотом. – Альгир всегда славился своими целительскими талантами. У него множество знакомых врачей, способных, по их словам, даже мертвого из могилы поднять. О том, что у капитана раньше были невесты, – я не знала. Матушка не посвящала меня в такие... тонкости.

Давлю смешок и несмело смотрю на Имрана, но он остается таким же серьезным.

– Вы не были удивлены тем, что капитан выбрал именно вас?

– Я...

– Внезапный акт доброй воли, от такого влиятельного человека, да еще так вовремя.

Я что-то лепечу, будто оправдываюсь, но на самом деле не знаю, что ответить вразумительного.

Матушка поставила меня перед фактом, который даже не обсуждался, и я приняла это, потому что болезнь развивалась, а брак с самым известным врачом на всех двенадцати великих островах – путь к исцелению.

Я видела Альгира редко, когда он осчастливливал наше поместье своими визитами, и капитан – предельно обходительный, но при этом закрытый и отстраненный – не походил на человека, который женится на первой попавшейся девушке, но меня это совершенно не волновало.

Как не волновало и то, что он сделал предложение после первой же встречи, на приеме в честь дня рождения правителя Кидонии.

Вопрос Имрана ставит меня в тупик, и я почти слышу, как в голове начинают скрежетать шестеренки, разболтанные кошмаром.

– Альгир выбрал вас не случайно, вы – особенная женщина, Нанна. Волк отметил вас, – говорит мужчина, медленно отпивая из своей чашки. – И именно это подтолкнуло капитана действовать. Забрать вас, спрятать от проклятого принца и... лишить его возможности снять проклятье. Навсегда. Вы же понимаете, что я имею в виду?

Я невольно усмехаюсь и бросаю взгляд на дверь. Прикидываю, успею ли сорваться с места и сбежать. Вот только куда? В комнату? Рано или поздно придется из нее выйти и встретиться с реальностью, какой бы она ни была.

– Зачем вы мне все это рассказываете? Вы же, вроде как, Альгира вырастили. Разве не вы – его преданный слуга? И в огонь, и в воду – вот эта вот вся история?

– Я устал, – вдруг говорит Имран, и я понимаю: и правда устал. Невыносимо, тяжело, отчаянно вымотался, и все в нем – взгляд, движения, даже то, как он держит проклятую чашку с чаем, – кричит о бесконечной борьбе. Не с Альгиром, нет. С самим собой. – И увидев вас в коридоре, такую беззащитную, я не мог молчать. Я и так делал это слишком долго. Хотя, возможно... нет, я не смел говорить!

– Имран... Вы же осознаете, что ставите меня в двусмысленное положение и ваши слова остаются лишь словами? Если вы в самом деле наделены даром видеть суть вещей, то сможете с легкостью меня понять.

Цепляюсь за здравый смысл. Пытаюсь вести себя так, как и повел бы себя любой разумный человек: требую доказательств, которых не может быть, если Имрана просто подослали для проверки.

Но мужчина не отнекивается, не возражает и ничего не говорит, только смотрит так пронзительно, что хочется сорваться с места и бежать прочь, спрятаться в спальне и никогда не выходить.

– Разумеется, – Имран отставляет чашку в сторону. – И мне есть что вам показать.

Мне уже и не интересен замок, не интересны коридоры и переходы, лестницы и обитые деревом стены, безразличны портреты. Иду за Имраном, как привязанная, и смотрю только на его широкую спину. Вдруг обманет? Вдруг все это очередной мучительный сон? Может, стоило просто отмахнуться и вернуться в комнату, скрутиться клубочком под одеялом и думать-думать-думать, что происходящее мне лишь показалось и все совсем не так? Дождаться утра, первых рассветных лучей, которые всегда несут с собой облегчение, смывая ночные кошмары и даря ясность ума.

Смогла бы я?

Смогла бы сделать вид, что все в полном порядке?

Нет. Слишком сильны напряжение, сомнения и страх. Невыносимо просто жить дальше под давлением бесконечных вопросов и дурных знамений.

Имран поворачивает влево и касается чего-то на стене. В сумраке коридора, разгоняемого только светом крохотной свечи в руке моего провожатого, мне удастся разобрать, что это одна из деревянных панелей, но больше не вижу ничего. Впереди что-то скрипит и шуршит, недовольно стонет, будто своим вторжением мы разбудили древнего стража этих проходов.

В нос бьют запахи плесени и сырости, меня окутывает промозглым духом старых подземелий. Под подошвами туфель скрипит пыль, и я думаю о том, как же давно здесь никого не было. Становится жутко от одной только мысли, что впереди ждет банальная ловушка. Может, это сам Имран, а не его господин хранит свои жуткие тайны в этих промозглых застенках? И не найти ли мне пути к отступлению?

– Не отставайте, Нанна! – приказывает мужчина резко, и от его тона по позвоночнику бегут холодные мурашки. В Имране не остается ни капли от почтительности слуги. Сейчас со мной говорит человек, который умеет приказывать.

И не выносит непослушания.

Ускорив шаг, я утыкаюсь взглядом в спину проводника и держусь как можно ближе.

Холод вокруг – почти осязаемый. Клянусь Галакто, его можно потрогать руками. Колючий, по-зимнему студеный воздух врывается в легкие и вылетает обратно густыми облачками белого пара. Руки немеют, стоит только случайно опереться о стену или коснуться локтем покрытого изморозью камня.

Мне хочется сбежать, но нет, так нельзя.

Раз уж сама требую доказательств, то нужно принять их достойно, а не ломиться к выходу – ведь всегда остается крохотный шанс, что Имран не соврал.

Что все это не просто так: церемония в этом замке, хотя ее спокойно можно было провести в поместье, и отъезд из дома, и выбор капитана.

Матушка...

Что, если все это правда?

Что, если мужчина на самом деле сейчас покажет такое, после чего не останется сомнений – пора спасать собственную жизнь!

Я не смогу просто сбежать. Матушку Альгир обещал провести через Врата для присутствия на церемонии. Все это затевалось только с одной целью – помочь матушке, но что потом?

Если я исчезну, то как капитан себя поведет?

Стискиваю руки в кулаки и закусываю губу с такой силой, что чувствую привкус крови во рту.

Разве я смогу сбежать, если родной человек тоже угодит в ловушку?

Я должна буду выбирать?

Нет. Нет, только не так!

Все вопросы вылетают из головы, когда Имран останавливается и кивком указывает на массивную черную дверь, обитую железом. Кажется, что сдвинуть ее с места невозможно, но мужчина проводит ладонью по гладкой поверхности, вычерчивая пальцем странные узоры и завитушки. Не знаю этого языка, не могу понять ни единого символа, любовно выписанного слугой Альгира.

Он действительно наслаждается тем, что делает. Огонек свечи пляшет на резких изломах его лица, и я вижу, что мужчина будто молодеет на двадцать лет и стряхивает оцепенение и страх.

Толкает дверь внутрь, и я невольно зажмуриваюсь, потому что меня колотит от волнения. Тошнота плещется под горлом разъедающей кислотой, и нет сил пошевелить даже пальцем, но мягкое прикосновение к запястью заставляет сделать шаг, а за ним – еще один и еще.

– Вы должны увидеть это, Нанна.

Бережная хватка на плечах – и я невольно вздрагиваю, потому что в этом касании уверенность соседствует с дрожью; и мне совсем не нравится то, что творится вокруг. Кажется, что вот-вот захлопнется дверца клетки и я уже не смогу вырваться на свободу.

Медленно приоткрываю веки и пытаюсь проморгаться, потому что свет, бьющий со всех сторон, – ослепительно яркий, холодный, как рассветное время в снежной пустоши.

Прикрываю глаза рукой и осторожно осматриваюсь по сторонам.

В первое мгновение ничего не могу понять. Вокруг – низкие деревянные столы, отполированные временем, темные, покрытые бордовыми и серыми пятнами. Книжные шкафы занимают все свободное пространство, а пол под ногами настолько ледяной, что в пятки впиваются острые иглы смертоносного мороза.

Вообще, в помещении невыносимо холодно.

Как в могильной комнате, где обычно хранят тела перед погребением...

Поднимаю голову и застываю на несколько мгновений.

Сердце замирает в груди, а через секунду пускается в безудержный пляс ужаса.

Напротив двери, в прозрачных сосудах, я вижу шесть тел. Точнее то, что когда-то было телами. Сейчас это разодранные куклы: рассеченная кожа на животах растянута в стороны, обнажая нутро до самого последнего дюйма. Внутри ничего нет, кроме голубоватой прозрачной жидкости, и хорошо видны белоснежные ребра и позвонки. Головы обриты налысо, выскоблены до блеска, а глаза широко распахнуты, веки закреплены так, что в мое сознание ввинчивается лишь одна мысль: они следят за тобой.

Дурнота накатывает с такой силой, что приходится зажать рот рукой, а мимо проходит Имран и становится так, что я вижу только его спину.

– Моя жизнь – это дорога, высланная ошибками, Нанна, – тихо говорит мужчина. – Вот, что случится с вами, если вы останетесь в Клыке. Несколько дней назад капитан заказал еще одну капсулу... – Имран поворачивается, и я смотрю в его глаза, полные темноты и холода, – для новой невесты.

– Почему?... – лепечу я и ненавижу собственные голос, дрожащий от ужаса и гадливости. – Я не понимаю...

– Вам нужно уйти! – рявкает мужчина, и я вздрагиваю всем телом и пячусь назад, к двери. – Если будет на то воля Галакто, то волк все расскажет своей женщине.

– Если будет на то *моя* воля, – слышится за спиной, и в следующую секунду Имран падает, как подрубленное дерево, а в воздухе застывает кроваво-красное облачко. Мужчина хрипит и сжимается в клубок, а на его рубашке медленно расцветают кровавые маки и под боком растекается алая лужа.

Я хочу закричать, рвануться прочь, но что-то холодное и тяжелое врезается в висок – и мир меркнет и расслаивается, оставляя меня один на один с хохочущей темнотой.

В нос врывается острый неприятный запах, и хочется отвернуться, отстраниться и спрятаться подальше – только бы не чувствовать его, не втягивать в легкие с каждым коротким тяжелым вдохом.

С трудом поднимаю опухшие веки и вижу перед собой Альгира, который рассматривает меня и совершенно не мигает. Его взгляд сосредоточен на моем лице, а руки спрятаны за спиной. Мужчина похож на ученого, изучающего подопытную зверушку, которую вот-вот должны вскрыть и выпотрошить.

Повернув голову в сторону, я вижу Имрана, лежащего на полу, и, к моему удивлению, он все еще дышит. Хрипло и слабо, но дышит! Почему-то меня это невероятно радует и даже вызывает что-то похожее на облегчение.

Но ведь раны кажутся такими серьезными! Он истекает кровью, даже рубашка на груди красная, промокшая насквозь, но Имран все еще не отправился в чертоги Галакто.

И почему капитан его не добьет?

Дернувшись, я понимаю, что крепко привязана к вертикальной доске, а руки закреплены над головой кожаными ремнями. Тут без посторонней помощи не вырваться! И поблизости нет ничего острого, чтобы освободиться.

– О чем думаете, Нанна? – спрашивает Альгир, а в его голосе – ни единой эмоции. Он точно каменный, ничего не чувствующий. – О моем дорогом Имране? Не стоит. Вам лучше волноваться о собственной судьбе.

– П-почему? – губы едва шевелятся, рот и язык кажутся чужими, распухшими и пересохшими. Душу бы продала за глоток влаги, даже самый маленький! – Чего вы от меня хотите? Эти женщины... чем они провинились перед вами?!

– Я бы дал вам пожить, Нанна, вы меня развлекаете, – Альгир улыбается, но его глаза остаются холодными, как лед вокруг замка. – Вы самоотверженный, чуткий, добрый человек, готовый на что угодно, только бы помочь близким, и это – ценное качество. Я бы даже мог подарить вашей матери несколько лишних лет жизни, которых у нее не было... – капитан поворачивается к Имрану, – и уже не будет, к сожалению. Он попытался вмешаться в естественный ход вещей, а за это придется заплатить.

– “Естественный ход”?! – я чуть не задохнулась от ужаса, вспоминая упрятанные в колбы тела других невест. – Вы – убийца! Мои родители об этом узнают! И правитель!

Улыбка Альгира становится шире, превращаясь в настоящий хищный оскал.

– О, дорогая, вы думаете, что он не в курсе? У всего есть причина, и это, – он обводит комнату широким хозяйским жестом, – не исключение. И было бы невозможно без поддержки. Слова застревают в горле, а глаза сами по себе расширяются от удивления и страха.

Что?..

Правитель в курсе?..

Это какая-то шутка! Вот сейчас я проснусь и окажусь у себя дома, в собственной постели, а матушка будет потом смотреть с испугом и волнением, когда я расскажу о жутком кошмаре, кажущимся таким реальным.

Все это ненастоящее!

Ненастоящее...

– Мне жаль, что все так сложилось, Нанна, – говорит Альгир, а я не вижу в его взгляде ни капли сожаления. – И жаль, что не могу убить тебя, мой заклятый друг, – повернувшись к Имрану, капитан чуть наклоняется, чтобы рассмотреть дело рук своих. – Мы связаны прочными узами, но не думай, что я оставлю твой проступок без внимания.

– Я и не думаю, – хрипит Имран в ответ и резко проводит окровавленной рукой по полу, как раз под лицом Альгира.

Все происходит так быстро, что я даже не успеваю вскрикнуть – звуки застывают на губах, дрожат и ломаются, как снежный наст.

Вверх бьет столб обжигающего пламени, и Альгир кричит раненым зверем и отскакивает в сторону, заслоняя обожженное лицо. Кожа под его пальцами покрывается волдырями, лопается, истекает кровью и сукровицей, но я уже ничего не вижу, кроме фигуры Имрана, и чувствую только мертвую хватку крепких пальцев на запястьях.

Мужчина тянет меня прочь, подхватывает на руки и сдавленно охает, когда я случайно бью его локтем в грудь.

Он вылетает из комнаты, несется прочь, и я зажимаю рот ладонями, когда слышу громopodobный рев и вижу, как шевелятся тени на деревянных панелях, тянут к нам скрюченные пальцы, цепляются за одежду, путаются в ногах и тормозят изо всех сил.

Я слышу, как трещат стены, как стонет камень, и все вокруг напрягается, натягивается тончайшими струнами, готовыми в любой момент лопнуть от напряжения.

Мы петляем по коридорам несколько бесконечных минут, прежде чем Имран, задыхаясь и сгибаясь от боли, ставит меня на ноги и подталкивает к еще одной двери.

– Вы должны бежать, Нанна!

Растерянно смотрю на него, а потом на спасительный выход.

За дверью я слышу приглушенное ржание и постукивание копыт.

Конюшни...

– Но как же вы?! Альгир вас убьет!

Мужчина качает головой и поднимает руку, когда я хочу возразить.

– Я не могу уйти, и это не обсуждается.

Он буквально хватает меня за шиворот и выталкивает прочь, на широкую отполированную лестницу, ведущую вниз.

Дверь за спиной оглушительно хлопает, а замок ревет, трясется над головой, и я не могу сосредоточиться ни на чем, кроме этих леденящих кровь звуков.

Дернув ручку, я понимаю, что дверь заперта, а за ней – тишина, даже шагов не слышно.

Как же так?!

Отступаю назад, отчаянно бью по темному дереву, но куда там! Слуга наглухо запер выход за собой.

Что же с ним теперь будет?!..

А со мной?

– Бежать... нужно бежать... – повторяю снова и снова, несясь вниз по лестнице. – Прочь отсюда!

Глава 3

Я рассчитываю добраться до ближайшего города, но лес вокруг кажется бесконечным. Темные мохнатые ели обступают со всех сторон, цепляются за подол платья, бьют по лицу и больно дергают за волосы.

Мне остается только благодарно вспомнить Имрана, потому что к седлу подходящей лошади была приторочена дорожная сумка и теплый плащ. Только это спасает меня от мгновенной смерти в острых когтях зимней стужи.

А если бы я отказалась?

Впрочем, какой смысл думать об этом сейчас, когда страх перекачивается под сердцем колючим комком и в голове роятся мысли.

Тысячи мыслей.

Я должна вернуться домой, к матушке. Предупредить ее, рассказать о капитане! Нельзя просто так все это оставить, я не могу! Перед глазами все еще стоят женщины, упрятанные в бездушное нутро странных колб. Никто, ни одно разумное существо не должно погибать такой ужасной смертью. У этих невест, полных каких-то надежд и желаний, есть семьи, мечты, будущее.

Было...

Все это у них было когда-то.

Альгир все это забрал, растоптал и упрятал в голубоватый раствор, лишив загубленные души даже положенного погребения. Они никогда не найдут покоя в чертогах Галакто, они никогда не вернуться в мир к тем, кто может их ждать, они не получают новые тела, не познают счастье нового рождения.

Это отвратительно! Чудовищно!

Страшно.

Лошадь несется вперед, проваливается в снег, но не останавливается – ее гонит животный ужас и мой крик. Оборачиваюсь, чтобы проверить – преследуют ли нас. За спиной – никого, только снег и мохнатые ели, но я замечаю густые черные тени, скользящие по дороге, тянущие к нам изогнутые щупальца. Кажется, что даже если Альгир не отправил в погоню своих людей, то неведомая сила, пропитавшая его замок, вырвалась на свободу.

– Мы обязательно выберемся, – шепчу я, прижимаясь к шее лошади. – Мы это просто так не оставим.

Встревоженное ржание заставляет меня вскинуть голову – и тут животина встает как вкопанная и поднимается на дыбы.

Вскрикнув от страха, я цепляюсь за гриву и замечаю, что в морду несчастного животного впилось что-то черное, похожее на чернильную кляксу.

Лошадь заваливается на бок, и я откатываюсь в снег, подо мной хрустит подмерзшая ледяная корочка и больно впивается в ладони; я бьюсь спиной о ствол ближайшей ели и не могу сфокусировать взгляд на происходящем. Мир перед глазами плывет, взрывается разноцветными кругами.

Чернота мне не кажется – она выползает из-под сугробов и корней деревьев, стягивается вокруг нас плотным кругом. Вскикиваю на ноги и жалею, что под рукой нет никакого оружия, даже банальной палки.

Мрак оплетает стволы и ветки, тянется к бьющейся в снегу лошади и протягивает острые щупальца-когти к моим лодыжкам. Он будто играет с добычей перед тем, как разорвать ее на части.

Или подчиняется чужим приказам.

Неужели даже земли вокруг замка находятся во власти Альгира?!

Некуда бежать! Если сделать хотя бы шаг в сторону, то угожу прямо в колышущееся черное месиво, откуда, как я догадываюсь, выбраться уже не удастся. Я не нужна капитану живой, ему просто не хочется отпускать добычу.

Нет. Я не могу умереть вот так...

Черное щупальце врезается в дерево, выбивая из него острые длинные щепки, и я едва успеваю пригнуться и накрыть голову руками. Из горла вылетает произвольный крик, а в уголках глаз скапливается соленая влага. Злые слезы жгут щеки, и я окончательно перестаю видеть за мутной пеленой бессильных рыданий. Прижимаюсь к спине лошади – уже затихшей – и молюсь Галакто, чтобы смерть была быстрой.

Альгиру хотя бы не достанется мое тело.

Я смогу вернуться, пусть даже через тысячу лет...

Протяжный волчий вой выводит меня из оцепенения, и в первое мгновение в голову приходит лихорадочная мысль, что еще только волков в этих лесах не хватает и теперь-то им будет чем поживиться после того, как чернота с нами разделается.

Зажмуриваюсь, когда одно из мерзких щупалец подползает слишком близко, вжимаюсь спиной в тело лошади и закрываю голову руками, будто это может спасти от расправы.

От хруста и треска, разрывающего лес на части, меня пробирает крупная дрожь, пальцы впиваются в волосы с такой силой, что если я попытаюсь разжать их, то выдеру парочку внушительных прядей. Ногти врезаются в ладони, но я не чувствую боли, хочу только, чтобы все скорее закончилось.

Вой повторяется, но уже намного ближе. Что-то шуршит и хрустит, пищит, как стая задуршенных мышей, и земля подо мной вибрирует, ходит ходуном, содрогаясь в агонии.

И через мгновение все стихает. На лицо оседают холодные крупинки снега, скатываются по щекам и скапливаются на подбородке тяжелыми каплями влаги. Нет сил открыть глаза.

Невыносимо страшно смотреть.

Первый звук, врывающийся в глухую черноту, окутавшую мое сознание, – вибрирующее рычание. Чье-то теплое дыхание обдает щеку, я приоткрываю слипшиеся веки и сталкиваюсь нос к носу с огромным волком, который впечатывает меня взглядом в снег. Глаза у него синие-синие, совсем не звериные, полные затаенных гроз, вспыхивающих золотых искр.

Я успеваю попрощаться с жизнью еще раз, но волк только подходит ближе и облизывает мою щеку широким горячим языком.

Удивленно охнув, я пытаюсь отстраниться – но бежать некуда, да и смысла нет. Мне не тягаться в скорости с диким зверем.

– Кто ты? – лепечу тихо, а волк склоняет голову набок и смотрит пристально, изучающе.

Он чуть прижимает уши и упирается массивным лбом мне в грудь, туда, где во сне горит огнем волчий знак. Глубокое низкое урчание проходит сквозь меня, заставляет расслабиться и глянуть в сторону, где до этого колыхалось черное море.

Из снега повсюду торчат изогнутые черные сосульки – и ни одного движения.

Магия какая-то...

Снова поворачиваюсь к волку и осторожно поднимаю руку – хочу коснуться странного зверя, а он только этого и ждет: ластится, ныряет под ладонь, чуть прикрывает глаза, наслаждаясь лаской, а я не могу сдержать слез, на этот раз от облегчения. Подаюсь вперед и обхватываю мощную шею зверя, утыкаюсь лицом в густую шерсть и реву навзрыд, выплескивая все скопившееся напряжение.

Волк терпеливо ждет и щекочет дыханием волосы на макушке.

Через минуту он тихо рычит и качает головой, совсем по-человечески, указывая себе на спину.

– Что?

Еще одно требовательное движение, и волк аккуратно прихватывает зубами подол моего платья и тянет в сторону, заставляя встать. Новый кивок на спину – и я невольно съеживаюсь.

Он хочет, чтобы я на нем ехала?

“Быстрее, Нанна, – звучит в голове чужая мысль, а я охаю и прижимаю руки к вискам, – пожалуйста”.

– Х-хорошо.

Перекидываю ногу через прижавшегося к земле зверя и вскрикиваю, когда волк срывается с места и летит вперед, как выпущенная стрела. Подо мной перекатываются тугие мощные мышцы, и ледяной ветер бьет в лицо, вынуждая прильнуть к широкой спине и вцепиться в густую черную шерсть дрожащими пальцами.

“Ничего не бойся”.

Вот только как тут не бояться, если вырвавшись из одного кошмара, я могу нестись в объятия другого?

Вдруг и этот спаситель окажется новым тюремщиком?

И смогу ли я сбежать снова, оказавшись в очередной западне?

До ближайшего подобия города мы добираемся только к закату. Все это время волк мчит без устали, даже не останавливается ради минутной передышки, не позволяет мне слезть и несется, несется вперед с такой скоростью, будто снег под его лапами раскалился до красна и вот-вот испепелит кости.

Я не смею перечить, потому что кажется – зверь знает, как лучше, и не причинит мне вреда. Эта странная безоговорочная уверенность смущает и волнует меня, но пока рано о чем-то говорить. Из леса спаслась – и на том спасибо, но что теперь?

Матушка еще ни о чем не подозревает. Альгир может в любой момент заявиться к нам в поместье и забрать ее, а я никак не могу этого допустить! Нужно вернуться, любой ценой. Предупредить, спасти из лап убийцы.

Волк улавливает мои мысли, чувствует беспокойство и ведет ушами, прислушиваясь. Я не знаю, какой у него план, но не могу бросить семью, это бесчеловечно!

В лицо бьет снежная крупа, больно царапает щеку, и я прижимаюсь к загривку зверя и молось, чтобы мне скорее позволили сойти на твердую землю.

“Мы почти на месте, Нанна, – низкое хриплое рычание колотится в голове, а я дрожу и невольно киваю. – Скоро сможешь согреться и поесть”.

В животе предательски заурчало, а ведь я решила, что думать о еде, после всего увиденного и услышанного, никогда не смогу. Тело решает иначе, и желудок снова протяжно вибрирует; я нетерпеливо ерзаю на мощной спине волка, стараясь унять предвкушение от одной только мысли о горячем ужине.

Когда лес остается позади, я решаюсь снова посмотреть вперед и вижу высокие стены города.

По-видимому, замок Альгира не так уж и далеко от человеческого жилья, хоть в первый день я и не заметила, что здесь тоже есть люди. Дымок курился совсем с другой стороны. Вероятно все эти городки прочно связаны с Клыком и его обитателями. Кто-то же должен снабжать капитана продуктами и рабочей силой.

Это значит, что нам совсем-совсем нельзя задерживаться тут надолго!

Где, если не здесь, Альгир будет меня искать?

“Слезай, Нанна”, – волк чуть сгибает лапы и позволяет мне спуститься на землю.

Мы все еще скрыты рядом елей, и в просветах хорошо видно, что городок хоть и маленький, но на стене стоит стража, а значит – просто так войти не получится.

От страха подгибаются коленки, а в висках стучат тысячи молоточков колкой боли. Мозг работает на полную катушку, подбрасывая мне новые и новые возможности и кошмары – такие реальные, что хочется плакать от бессилия.

Вот сейчас стража заметит нас и бросится в атаку. Меня вернут капитану, обязательно вернут! И я займу место в такой же банке, в голубоватом растворе, выпотрошенная и обездушенная.

Уничтоженная.

Не слышу топтания зверя рядом и быстро оборачиваюсь.

Волка за спиной не оказывается, и я шарю взглядом по мохнатым елкам и только открываю рот, чтобы позвать своего спасителя... да так и замираю, судорожно выталкивая из горла белесые облачка пара.

Я не знаю его имени.

– Эй! – слова вылетают со свистом, и я сразу же пугливо смотрю в сторону стен города. Меня не могут заметить с такого расстояния, но все же... – Волчара, ты где?! Эй!

Может, не стоит так грубо? Волчара.

Обидится еще, бросит одну.

“Меня зовут Халлтор”.

От неожиданности подпрыгиваю на месте и позорно поскальзываюсь на притоптаном снегу. Меня ведет в сторону, но под ладонью вдруг ощущается гладкий густой мех – и я опираюсь на мощную спину зверя.

“Посмотри на меня, Нанна”, – тон у волка требовательный и властный, как у человека, привыкшего повелевать и подчинять себе, но совсем не такой отстраненно-командный, как у Альгира. Я чувствую, что ему важно, чтобы я не пряталась и не боялась.

Осторожно поворачиваюсь, все еще стараясь смотреть куда-то в сторону.

Какие все-таки красивые елки в этом лесу...

“Нанна...”

Пальцы невольно перебирают мех, и я ловлю себя на мысли, что гладить дикого зверя вот так запросто – безумно приятно.

– Как мы попадем в город?

Мне кажется, что волк очень по-человечески ведет плечами.

“Ты притворишься анималой и войдешь. Эти люди пугливые, к магии непривычные: заметив такую красавицу, верхом на волке, они подумают, что к ним сама богиня войны явилась”.

– “Анималой”? Повелителем животных? Но ведь... лишнее внимание...

“Не волнуйся, мы тщательно скроем свои следы и двинемся в путь еще до восхода. Вот посмотришь, все будет хорошо”.

Волк упирается лбом мне в поясницу и настырно толкает вперед, вынуждая сделать несколько шагов к городу.

– А если они что-нибудь спросят?!

“Доверься мне, ну!”

– Подожди, я так не могу!

Волк недовольно рычит и толкает сильнее, даже грубо, отчего коленки подламываются и я падаю в снег, сгребая ледяную колкую крупу ладонями.

“Тебе нужно туда попасть, – в голове колет и громыхает, раздраженный голос заволакивает собой все мысли, рвет их и разбрасывает по сторонам. – Тебе нужна подходящая одежда, припасы. Мы не задержимся надолго, а в этих тряпках в Таселу не выжить”.

– Ладно... ладно! – я поднимаюсь на ноги и зло зыркаю на волка. И так все на мне до последней нитки промокло и заледенело, зачем в снег еще пихать?

Зверь кивает на свою спину и припадает к земле.

– Ты расскажешь мне...

“Все, что захочешь, – мысль поспешная и раздраженная. – Но для начала мы укроемся за стеной”.

Стражник останавливает меня у самых ворот. Здоровенный детина, держащий руку на рукояти клинка и смотрящий на волка без тени страха, хотя зверь такого размера мог нагнать жути даже на самого смелого из мужчин. В светло-серых глазах – застаревшая усталость.

– Имя и причина визита! – рявкает стражник так, что у меня невольно сжимается желудок и к горлу подкатывает волна удушливой паники.

– Я – анимала Тэлиса из Нереха! Прибыла сюда...

Имя срывается с губ само собой – первое, что на ум пришло, но недовольства волка я не чувствую, значит, пока все идет, как надо.

“По просьбе кагара Ралона, – гремит в голове. – Это связано с его дочерью Ликоль”.

Без запинки повторяю за волком и понижаю голос до шепота на последней фразе, чтобы напустить таинственности.

Стражник смотрит недоверчиво и, повернувшись к стене, что-то кричит. Это гортанное, неприятное слуху наречие Таселау – и я невольно морщусь, с тоской вспоминая мелодичный язык родного острова. Там слова растягивают, как раскаленный мед, перекачивают буквы на языке и мягко выталкивают изо рта. Здесь же крики рваные и грубые, стремительные, как взмах клинка, и такие же острые для восприятия.

Стражник хмурится и потирает лоб рукой.

– Кагар сегодня уже принял одну анималу. О второй речи не было.

Грудь сжимает ледяной обруч страха, но я стараюсь держаться прямо и не подавать виду, что внутренний голос орет во все горло разворачиваться и бежать прочь, куда глаза глядят.

Но я не могу вот так просто отступить! Если я сейчас не попаду в город, то так и сгину от голода и холода. И кто тогда защитит матушку? Кто тогда спасет ее от Альгира?!

– Может, тогда позовем кагара лично, чтобы он разъяснил, какого хрена я проделала путь через два великих моста?!

Мужчина застывает, смотрит на меня неуверенно и переминается с ноги на ногу. Волк подо мной напрягается – он сможет унести и себя и меня, если разговор повернет в совсем уж неправильное русло.

“Воу, – тихо присвистывает Халлтор. – Не перегни палку”.

– Так что? Кто из вас доложит кагару о том, что за воротами топчется промерзшая насквозь анимала?! Кто из вас будет держать ответ, если его дочь не получит помощь вовремя?

Стражник бледнеет, как полотно, и снова поворачивается к стене. По тону понятно, что приказание отдает. Через несколько долгих, бесконечных секунд ворота расходятся в стороны, открывая вымощенную белоснежным камнем дорогу и кукольно-игрушечные разноцветные домики, тесно прижатые друг к другу.

Гордо вскинув голову, я подталкиваю волка, и мы въезжаем внутрь и ловим на себе зачарованные взгляды детей, крутящихся стайкой у самых ворот.

Представляю, как мы смотримся со стороны. Это и правда похоже на какую-то ожившую сказку. Дева на волке въезжает в город – подходящее начало для какой-нибудь баллады.

Если только эта дева не валится с ног от холода, усталости и постоянного страха, что вот-вот кто-нибудь обязательно придет под стены и потребует выдать беглянку. Одна только мысль об Альгире вызывает в теле неудержимую дрожь, а спину прошибает холодным потом.

– Это был самый отвратительный из возможных планов, – шиплю недовольно, а волк бредет в сторону массивного бревенчатого здания, которое сильно выделяется на фоне общей “пряничности”.

“Ты была так хороша, что я даже забыл, что хотел сказать, – в голосе волка отчетливо сквозит смех. – И тебя пустили. Что еще нужно?”

– А что не так с дочерью кагара?

Халлтор долго молчит, мне даже кажется, что он и вовсе не собирается отвечать, но голос, зазвучавший в моей голове полон тоски и злости. На себя, на весь мир вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.